

МОСТЫ

15

2007

BRÜCKEN

Zeitschrift von Literatur, Kunst, Wissenschaft
und sozialpolitische Problematik

BRIDGES

A literary, scientific, political and sociological quarterly

LES PONTS

Revue trimestrielle de littérature, d'art, de sciences
politiques

ISSN 1613-1770

© «Brücken». 2007
Printed in Germany

Редактирует – **Владимир Батшев**

Читает, советует, рекомендует, критикует Редакционное совещание –
**Николай Боков, Юрий Дружников, Леонид Ицелев, Борис Дубин, Берта Фраш,
Галина Чистякова, Семен Резник, Джойс Франклин, Ара Мусаян**

Дизайн – **Юрия Школьникова**

Редакция не всегда разделяет мнение авторов

Наш адрес:
Postfach 800 833,
65929 Frankfurt am Main, Germany
e-mail: mosty@gmx.net
Internet: www.le-online.org

Konto 652482 BLZ 50050201 Frankfurter Sparkasse,
для подписчиков вне Германии IBAN:DE53 5005 0201 0000 6524 82
SWIFT – BIC.:HELADEF 1822

МОСТЫ

Журнал литературы, искусства, науки
и общественно-политической мысли

№ 15

2007

Содержание

Русская зарубежная проза и поэзия XXI века

- Ирина Басова. Стихи 5
Лорена Доттай. Письмо Алексу о Христиании 10
Виктор Фет. Натуралист. Поэма 64
Леонид Ицелев. Эdda Ивановна. Сцены из остзейской жизни 78
Гарри Каролинский. Последний мирный год (1913). Продолжение 105
Маргарита Кучукова. Новые стихи 149
Ара Мусаян. Подражание Тургеневу 153
Игорь Шестков. Силуши. В больнице. Рассказы 156
Михаил Ландбург. Кричали птицы. Новелла 172
Жанна Астер. Два стихотворения 175
Владимир Рудинский. Заместитель 177
Ильдар Ахметсафин. Осенние стихи 183

Дневники, воспоминания, документы

- Евгений Терновский. Беседы на старом Арбате.
(Памяти Алексея Федоровича Лосева) 186
М.Д.Беляев. Петербург-Ленинград за 50 лет. Отрывочные воспоминания 194
Михаил Толмачев. Преданья и поверья Невского проспекта 239

Виктор Фет

Натуралист

Поэма

Пролог

Вы снова здесь, разгаданные коды,
бескрайний сонм распутанных сетей,
мой скромный вклад в познание природы,
скупой анализ квантовых путей.

Но мирное столетие прошло,
и снова мы уязвлены войною;
и в память тех, кто был тогда со мною,
я протираю пыльное стекло.

Давай откроем записи тех лет,
сигналы памяти отборчива и зыбкой
о том, как изменился этот свет,
и будем думать над своей ошибкой.

1.

Таинственные солнечные токи
тянули груз веществ по руслу дней;
в свое стекло, все глубже и ясней,
он видел верфи, пристани и доки
больших молекул и существ сверхмалых,
их толчею в кавернах и каналах.

Как Петр в Голландии неутомим,
неутолим в особой лихорадке,
все, что развертывалось перед ним,
Ксаверий рисовал в своей тетрадке,
и в микроскопа освещенный круг
заглядывал, как новый Левенгук.

Очарованье это не прошло,
видения его не охладели.
Князь проводил бескрайние недели,
уставившись в чудесное стекло,
где, слизистый прочерчивая след,
паслись стада маркиза Карабаса,
и так и не сошла за много лет
с его лица блаженная гримаса.

Мерв, давший имя моему герою,
стоял на древнем Шелковом пути,
там, где чинар с облезшею корою
в своем дупле даст место десяти;
где богатеет нынешний сатрап,
держащий лапу на поставке газа
(но это не для нашего рассказа);
Мерв, где в песках теряется Мургаб,
к империи был присоединен,
когда отец Ксаверия, полковник,
назначен в асхабадский гарнизон,
для шелковых червей растил тутовник,
пока еще не думая о хлопке,
да поощрял парфянские раскопки.

Безоблачное детство в Асхабаде.
Страсть к чтению. Способность к языкам.
Визиты к фирюзинским казакам;
убитый ими тигр в его тетради
(вплоть до последнего ареста, мать
еще хранила старую тетрадь).
Он часто вспоминал в иной стране,
как вкусно пили чай на топчане
с Билькевичем в густой тени платана,

как пресноводных крабов тех долин
в полуверсте от дикого Ирана
он опускал в прозрачный формалин.

Его вела, знакома и терниста,
естественника дивная стезя,
та самая тропа натуралиста,
которою не следовать нельзя,
та, на которой зрение крепчало,
та, на которой знание росло,
где детским взглядом с самого начала
он заглянул в волшебное стекло,
и многое невидимое сразу
стало понятно и привычно глазу.

2.

Он наблюдал устройство всякой твари,
привычки водорослей и зверей
от Белого до Черного морей
и на неапольском стационаре.
Закономерности рядов и серий
в своей тетради рисовал Ксаверий;
он черпал ил от Волги до Онеги,
и свежий генетический жаргон
он применял к тому, что видел он,
точнее, чем ученые коллеги.

По старой карте следуя за Мервским,
мы отмечаем, например, тот год
когда кружным путем австро-венгерским
наш юный князь достиг фракийских вод.
На станции он занял пост вакантный,
как препаратор или лаборант.
Там навещал его экстравагантный
болгарский царь, пытливый Фердинанд.

Морской воды плеснув под микроскоп,
они вдвоем смотрели на амеб
и инфузорий интерстициальных,

в созопольском песке оставил след,
в той ясной атмосфере сюрреальных,
немыслимых последних мирных лет.

Мы знаем, что в 11-м году,
набрав в свои пробирки грязь и пену,
князь ненадолго возвратился в Вену,
отыскивая нужную среду.

Не заходил он в венские кафе,
где Троцкий звал на ауто-да-фе;
не слушал сказок в оперном лесу,
где в 5 утра, едва халат набросив,
трудился император Франц-Иосиф,
от писем отрезая полосу
за полосой для будущих закладок.
Считалось: *Ordnung*, стало быть порядок.

Так следовал порядку и Ксаверий:
он рисовал подвластные ему
колонии невидимых бактерий,
неведомые глазу и уму.

Он различал пучки тугих волокон,
строительство ячеистых миров,
усеянный рядами мелких окон
двойных мембран устойчивый покров.
В томах своих неизданных заметок
он описал устройство наших клеток;
изображала быстрая рука
сеть гамаков и оболочек скрытных
пути молекул разобщенно-слитных,
и сборку матриц, и состав белка,
и под копирку созданные коды.

Теперь мы знаем, что никто в те годы
на самых лучших кафедрах Европы
не мог понять того, что видел он.
(Но в мир пришли иные микроскопы,
переменив фотон на электрон.)

Так он бродил по переулкам Вены,
не ведая ни Фрейда, ни войны,
когда, внезапно воспламенены,
вступили в действие иные гены –
те самые, что через триста лет,
в моей лаборатории открыты,
при новом положении планет
сместили все законы и лимиты.

(Казалось бы, прошли те времена,
когда возможно новому случиться:
и жизни суть давно закреплена.
и царству тьмы поставлена граница:
но мы не знали шума бытия
и спектра времени... А впрочем, я
отвлекся).

3.

Необыкновенный взгляд,
давно присущий Мервскому, отныне
мог находить искомое в пучине
времен. Он возвращался в Асхабад
начала века; посещал Москву
(где никогда и не был наяву);
особым оком наблюдал Ксаверий
дела всех королей и всех империй;
в кинематографе его ума
мелькали то пожары, то чума.
Но было интереснее вдвойне
сосредоточить взгляд на глубине.

Он всматривался в смену поколений,
в движение молекул и племен;
он был захвачен яркостью явлений
и их наивной частотой пленен.

И неправдоподобные былины,
волшебным взглядом усугублены,

освещены, как венские витрины,
вставали из ушедшей глубины.

Он различал сомнения и цели,
истлевших идеалов торжество,
и все эпохи плавились и пели
перед глазами серыми его.

А между тем, его волшебный дар
дать князю заработок был не в силах;
давно иссяк солидный гонорар
за довоенный атлас жестокрылых;
с волынского имения доход
уже не шел с 15-го года;
не выручал случайный перевод –
и он взошел по трапу парохода,
и в 23-м, тридцати двух лет,
Ксаверий Мервский прибыл в Новый Свет.

Другие шли кто в лагерь, кто на плаху,
а наш случайно уцелевший князь,
к миссионерам присоединяясь,
попал на жаркий полуостров Баху.

В kraю пустынь, не до конца открытом,
читал тысячелетий палимпсест
и помогал отцам-иезуитам
исследовать природу этих мест.

С ним был тогда на дружеской ноге
французский инженер Léon Diguet,
специалист по кактусам Соноры,
и в этом диком уголке Земли
они, хочу надеяться, вели
за чаркою текили разговоры.

4.

Ксаверий обезжал свои пустыни,
не зная ни усталости, ни сна,
надписывая четко по-латыни
изобретаемые имена.

Он обновлял нехоженые тропы
и открывал подводные миры,
и рассыпал в музеи всей Европы
свои калифорнийские дары.
И с каждой почтой аккуратный груз
жуков, тысяченожек и медуз
со штемпелем, проставленным в Ла-Пазе,
шел в Лондон и Париж, Берлин и Прагу,
напоминая им о странном князе.

Диковинная фауна и флора
была лишь тенью вечного узора,
который он пытался на бумагу
скопировать, списать, перевести,
первопроходцем на своем пути
изобретая символы и слоги
и упираясь в скучные слова,
как римские размытые дороги
в дунайские слепые рукава.

Князь иллюстрировал статьи и книги;
мы знаем, что художника талант
в нем отмечал известный Эмбрик Штранд,
профессор университета в Риге.

Смешно и грустно. Все-таки смешно:
ему открылось чудное окно,
масштаба сверхъестественного карта,
все ангелы на кончике иглы;
а он нарочно размывал углы,
чтобы попасть на уровень стандарта,
стушевывал мельчайшие детали,
которых современники не знали
и ожидать, конечно, не могли.

Он видел всю историю Земли.

Как юношею он составил свой
подводных тварей каталог подробный,
проникнув зрением в анаэробный
эвксинских вод холодный донный слой –
так ныне все наследие веков,
весь груз, что унесли Дунай и Висла,
переводились в символы и числа
и шли в тома его черновиков.

Он видел жизнь в осевшем тонком прахе
в лиманах Добруджи, в лагунах Бахи,
и в черном вулканическом песке,
и в тонком слое закаспийской пыли –
и высохшие, сбывающиеся были
записывал на новом языке;
подробности бесчисленных событий,
угаданный узор древнейших нитей,
мотивы повторяющихся тем,
ушедших дел мельчайшие детали,
из праха поднимаясь, улетали
в его души неистовый Мальстрём.

5.

За пыльными кулисами природы
он видел то, чего никто не знал,
как Робинзон, события и годы
записывая в полевой журнал.
Фиксировала каждая страница
простор эпох; смрад войн больших и малых;
мысль, янтарем застывшую в веках;
все прошлое, которое хранится
у вечности в заброшенных подвалах,
у времени на тайных чердаках,
все то, что отражается в окне
вагона – и в полузаытом сне.

Но стал с годами меркнуть чудный свет,
идущий от событий прошлых лет;

и с некоторых пор заметил князь:
плотнели проницаемые стены
существ и слов, и все труднее гены
читали узнаваемую вязь.

И он спешил смотреть: как было знать,
как долго ясновиденье продлится?
Любая расшифрованная прянь
времен, любая новая частица,
пройдя сквозь фильтры сердца и ума,
ложились записью в его тома.

И поднимался от воды туман,
и голубое зеркало залива
пересекал паром на Мазатлан
с очередною порцией архива.

6.

В каких бы ни был князь разъездах новых,
он отсыпал коллекции в Музей
естественной истории в Софии,
а записи, журналы полевые
и дневники копились у друзей –
у Нины и Семена Годуновых,
в уютном доме у моста со львами:
тома страниц, заполненных словами
на незнакомом алфавите (он
употреблял особый лексикон
и одному ему известный код).

Елене шел четырнадцатый год,
когда с отцовской полки род тетради
она открыла любопытства ради,
и навсегда осталась пленена
уверенными, мягкими штрихами
рисунков неизвестного К.М.,
где в мириадах высвеченных тем

хранился дух, испытанный веками,
преображеный гранями кристалла.

Так, полюбив Ксаверия, она
еще его по имени не знала,
и как героя пушкинских поэм,
воображала своего К.М.

Пять лет спустя сбылась ее мечта –
увидеть автора чудесного альбома.
Он появился на пороге дома,
застыв на фоне Львиного моста,
как молния с небесной вышины.

И в тот же год они обручены.

И он отправился в последний раз,
чтоб рукописи вывезти, в Ла-Паз.

7.

И там внезапно, без предупреждений
его постиг немыслимый удар –
как дождь в песок, ушел волшебный дар,
утратился его чудесный гений.
Мозг онемел, как при анестезии.
Ксаверий стал вдвойне глухонемым,
втройне слепым. Он видел мир, как слитный
источник шума. В Санта-Розалии
он спал в какой-то хате глинобитной,
питался в миссии, лежал, бродил
по берегу, ступая в пестрый ил,
входил в солоноватые лагуны,
не слыша струн небесных и земных,
не понимая записей своих
искусно зашифрованные руны.

Не чувствуя ни тела, ни души,
не трогая свои карандаши,

и с некоторых пор заметил князь:
плотнели проницаемые стены
существ и слов, и все труднее гены
читали узнаваемую вязь.

И он спешил смотреть: как было знать,
как долго ясновиденье продлится?
Любая расшифрованная прядь
времен, любая новая частица,
пройдя сквозь фильтры сердца и ума,
ложились записью в его тома.

И поднимался от воды туман,
и голубое зеркало залива
пересекал паром на Мазатлан
с очередной порцией архива.

6.

В каких бы ни был князь разъездах новых,
он отсыпал коллекции в Музей
естественной истории в Софии,
а записи, журналы полевые
и дневники копились у друзей –
у Нины и Семена Годуновых,
в уютном доме у моста со львами:
тома страниц, заполненных словами
на незнакомом алфавите (он
употреблял особый лексикон
и одному ему известный код).

Елене шел четырнадцатый год,
когда с отцовской полки род тетради
она открыла любопытства ради,
и навсегда осталась пленена
уверенными, мягкими штрихами
рисунков неизвестного К.М.,
где в мириадах высвеченных тем

хранился дух, испытанный веками,
преображеный гранями кристалла.

Так, полюбив Ксаверия, она
еще его по имени не знала,
и как героя пушкинских поэм,
воображала своего К.М.

Пять лет спустя сбылась ее мечта –
увидеть автора чудесного альбома.
Он появился на пороге дома,
застыв на фоне Львиного моста,
как молния с небесной вышины.

И в тот же год они обручены.

И он отправился в последний раз,
чтоб рукописи вывезти, в Ла-Паз.

7.

И там внезапно, без предупреждений
его постиг немыслимый удар –
как дождь в песок, ушел волшебный дар,
утратился его чудесный гений.
Мозг онемел, как при анестезии.
Ксаверий стал вдвойне глухонемым,
втройне слепым. Он видел мир, как слитный
источник шума. В Санта-Розалии
он спал в какой-то хате глинобитной,
питался в миссии, лежал, бродил
по берегу, ступая в пестрый ил,
входил в солоноватые лагуны,
не слыша струн небесных и земных,
не понимая записей своих
искусно зашифрованные руны.

Не чувствуя ни тела, ни души,
не трогая свои карандаши,

не в состоянии сказать ни слова,
в Нью-Йорке, в ноябре 32-го
Ксаверий Мервский сел на «Лафайет»
и прибыл в Гавр. Тут мы теряем след
его на десять бесконечных лет.

8.

Все далее случившееся он
воспринимал как смутный, мерзкий сон:

ночной кошмар, как скрежет по стеклу,
сигналы фар через ночную мглу,

перо, застывшее в его руке,
и протокол на русском языке,

и мысль одна, светящая в ночи:
о том, что опоздали палачи.

Им ни к чему теперь досье о князе
от детских лет до тайника в Ла-Пазе;
пытать его не стоило труда –

он следствию не может выдать кода:
его талант утрачен навсегда
и неизвестна тайная природа.

9.

Однажды осенью, лет через пять,
в одесской одиночке заточен,
он понемногу начал вспоминать
подробности событий и времен,

очнулся от отравленного сна,
и красная пропала пелена,
и солнечная сила потекла
по высохшим каналам и сосудам.

В 42-м году он выжил чудом.

Елена десять лет его ждала.

10.

В учебниках истории земной
найди портрет Ксаверия и Лены –
в развалинах послевоенной Вены
их фото с новорожденной княжной.

За Лидией Ксаверьевной вслед
в течение одиннадцати лет
родились: близнецы Семен и Нина,
Констанция (в честь деда Константина),
Ксаверий-младший и Елизавета,
а в 56-м – Борис и Глеб:
четыре дочери, четыре сына.

Не в силах в будущее заглянуть,
отец не знал, что книгою судеб
его потомству предначертан путь
создателей Последнего Завета.

В них видя ясновиденья крупицы,
Ксаверий обучил своих детей
симфонии травы и песне птицы,
сну целого и радости частей,
величию мельчайшего, итогу
прошедшего и сплаву всех отваг,
и рисовал для них, за шагом шаг,
единственную верную дорогу.

Когда-нибудь и наш потомок верный,
еще не появившийся на свет,
создаст учебник горестной и скверной
истории последних сотен лет,
и воскресит из атомарной пыли
прошедшее, которое забыли.

И электромагнитная война
две тысячи шестнадцатого года,
и страшные, глухие времена
Большой Зимы и Нового Исхода,
зыбучее нашествие песков,
чума, искоренившая поэтов,
и гибель школ и университетов,
и смерть традиционных языков –
минуло все. Распался мир на части.
Отдав свои права центральной власти,
все граждане Империи Небесной
влачат свой век в надежде на покой.
И только мы стоим у самой кромки
над вечною открывшеюся бездной,
над огненной забвения рекой –
далекие, но верные потомки
восьми детей Ксаверия с Еленой,
хранители всех знаний о Вселенной.

Эпилог

В меняющемся облике планеты
и в мире нескончаемой войны,
уже непредсказуемы предметы
и правила не определены.

И в наши дни, когда воздвигнут мост
от прошлого к грядущему; когда
в действительности говорит звезда
с звездою в небесах – нам не до звезд.

Мы знаем, где явлений наших суть
испортилась – но, чтобы новым бедам
путь преградить, нам надо заглянуть
за тот предел, который нам неведом.

Дом Годуновых жив, и мост, и львы,
но жалко, что архивы навсегда
погребены в руинах Москвы
под грязным слоем векового льда.

И в череде пустых десятилетий
до нас дошел лишь устный пересказ
тех знаний, что запоминали дети
Ксаверия с Еленою для нас.

Мы не одарены волшебным глазом,
как Мервский, но в глубинах ДНК
мелодия особого смычка
выводит то, что называют – разум.

Ему нужна немалая отвага,
чтоб сохраниться в этих грозных днях,
чтоб выжить, как лишайник на камнях
в ущельях Западного Копетдага,

где триста лет назад, к воде склоняясь,
заворожен блистающим потоком,
узор всех дел и всех событий связь
Ксаверий Мервский видел чудным оком.

16 декабря 2006 – 27 февраля 2007
Хантингтон,
Западная Виргиния